

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты
Спагетти, или Сюрприз для любимого
Игры, или Думаешь, это любовь?
Нарру End, или Измена в рамках приличий
Путаница, или Любимый мотив Мендельсона
Неотразимая, или Основы женского шарма
Не торопи любовь
Экстрим, или Девушка с амбициями
Дикарь, или Я всё равно тебя найду
Ройбуш, или Маленькая женщина
Отпад, или Свадьба моего мужа
Иллюзион, или История одного развода
Фифа, или Счастья тебе, дорогуша!
Спонсор, или Муж объелся груш
Ежики, или Мужчины как дети
Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!
Ягодка, или Пилюли от бабьей дури
Stop! Это мужской мир, подруга!
Алиса, или Зеленый подъезд
Виртуальные связи
Квартирный вопрос, или Байки черного маклера
Плохие девочки
Гений, или Истории любви
Содержанки
Рыцарь нашего времени
Пепельный блондин
Загадай желание
Обыкновенный волшебник
Впервые в жизни, или Стереотипы взрослых женщин
Фокус-покус, или Волшебников не бывает
Как женить слона
Девушка без имени
Такая глупая любовь
Все дело в платье
Апрельский кот
Кот, который гуляет со мной
Личная жизнь женщины-кошки
Вторая половина Королевы
О рыцарях и лжецах
Ключ к сердцу Майи
Как женить слона

Валентина Веденская

Счастья тебе,
дорогая!

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта

роман

Москва 2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Дизайн серии С. Прохоровой

Художественное оформление Н. Кудри

*Издание осуществлено при содействии
литературного агента Н. Я. Заблоцкиса*

*Ранее роман издавался под названием
«Фифа, или Счастья тебе, дорогуша!»*

Веденская, Татьяна.

В26 Счастья тебе, дорогая! : роман / Татьяна Веденская. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-099529-5

Так бывает после развода: друзья, которые клялись тебе в любви, неожиданно принимают сторону бывшего супруга; муж из друга превращается во врага; желанные самостоятельность и независимость оборачиваются нуждой и неприкаянностью. Вот с таким анамнезом попадает в больницу несчастная Маргарита. Да только бывает и так, что одну болезнь излечивает другая. Но окончательному исцелению может помочь только желание... Желание любить и быть любимой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099529-5

© Саенко Т., 2019
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2019

*Отдельные названия глав
подсмотрены на майках отды-
хающих Краснодарского края.*

Часть первая

ВСЕ БАБЫ КАК БАБЫ, А Я КОРОЛЕВА

1

*«ВЫШЛА ИЗ СЕБЯ.
ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ 5 МИНУТ»*

Людам свойственно ошибаться, и я, к сожалению, не была исключением из этого правила. Время от времени меня заносило... немного. Обычно я могла с легкостью, как дважды два, доказать, что я ни в чем не виновата. И даже больше, я с идеальной точностью пояснила бы, почему и где не прав ОН. И это не являлось бы натяжкой. Возможно, это была бы даже правда. Возможно, но только не на этот раз. И хотя в кафе, где я вот уже полчаса дожидалась чашки эспрессо, меня позвал он, я все равно чувствовала себя неудобно. Он пригласил меня для разговора, но не просто для разговора, а для РАЗГОВОРА — большого выяснения наших

непростых отношений. И мне бы лучше репетировать примирительную речь, но вместо этого я только и думала о том, что кофе все не несли.

— Какого черта вы ни хрена не делаете? — показывала я всем своим видом. — Вы что, слишком заняты, чтобы заняться своими прямыми обязанностями?

— Мы вас не видим, мы слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам, — демонстративно отворачивались они. Хотя аншлага в кафе не было. В другой день я бы наверняка что-то им сказала. Или вообще удалилась бы из кафе, предоставив Кешке искать и вызванивать меня по телефону. А на вопрос, почему это я уехала, не дождавись его, я бы ответила, что сидеть в подобном месте выше моего терпения. Но сегодня я сидела молча. У меня так сильно от волнения пересохло во рту, что если бы мне пришлось что-то сказать сейчас, получился бы только петушиный крик, а не членораздельная речь. Хорошо, что он еще не пришел, подумала я. Не стоит ему знать, что я волнуюсь.

Я перекинула ногу на ногу, подперла подбородок кулачком и вздохнула. Признаю, в этот раз меня занесло несколько сильнее обычного. Может быть, поэтому я сегодня так нервничала? Все-таки быть виноватой совсем не так приятно, как громыхать в приступе праведного гнева. Второе у меня получается гораздо лучше первого. Виноватой я быть не умею и не люблю. Да и так ли уж я виновата в сложившейся ситуации, если вдуматься? В таких ситуациях, если еще разок вдумать-

ся, всегда виноваты двое. Это как минимум. А еще лучше, чтобы виноватым в итоге оказался он. Я гораздо лучше умею прощать, чем просить прощения. Мне это больше идет.

— Извините, пожалуйста, — ко мне подошел долговязый паренек-официант, забавно обмотанный фирменным длинным фартуком.

— Да, что? — Я вынырнула из своих мыслей и попыталась собраться в единое целое. Что-то плоха ты сегодня, милочка. Давай, давай, просыпайся.

— Извините, это вы заказывали латте?

— Нет, — помотала головой я. — Я заказывала двойной эспрессо и, если честно, совсем не понимаю, почему его нет на моем столе вот уже, — я демонстративно взглянула на дорогие часы на моем запястье, — вот уже полчаса.

— Извините, — еще сконфуженней пробормотал паренек. Я машинально отметила, что рука у меня немного дрожит.

— Я бы и рада вас извинить, но ведь вы и сейчас пришли без моего кофе. Почему?

— Кассир перепутал номера... номера столиков. Сейчас принесу. Секундочку.

— Хотелось бы верить, что наши с вами секундочки одного размера, — раздраженно ответила я и отвернулась. Мои любимые часы: стекло из цельного хрусталя, благородный темно-малиновый оттенок, по кругу россыпь бриллиантов — его подарок, разумеется. Он вы-

ложил за них в прошлом году чуть ли не всю прибыль от какой-то сделки. Широкие жесты — это весомый плюс в моем списке. Он всегда умел их делать, в меру своих возможностей, конечно. Другие мужчины, между прочим, и побогаче него, таких часов мне не дарили. Большинство представителей сильного пола всегда умело сопоставляло степень потенциального удовольствия от общения с величиной расходов. Так вот, мои любимые часы показали не только то, что кофе нет возмутительно долго, но и то, что Кешка опаздывает уже на десять минут. Не похоже на него.

Обычно опаздывала я, просто потому, что время для меня не имело никогда большого значения. Я не говорю сейчас о тех традиционных десятиминутных опозданиях, которые мы, женщины, практикуем испокон века. Мы были так долго женаты, что все эти игры давно отошли в небытие. Когда-то, когда мы еще только встречались, я вволю повеселилась, глядя, как он подпирает дурацкие часы на столбе около станции «Аэропорт» и держит в руках предназначенные мне цветы. Держит как веник — цветками вниз. А когда приподнимает рукав свитера, чтобы посмотреть на часы на руке, веник смешно подлетает вверх и замирает, как шлагбаум. Потом опять вниз. Почему-то он всегда смотрел на свои наручные часы, а не на те, что на столбе. Не доверял он столбам. А сегодня вот на часы смотрю я. И такое, дай бог памяти, чуть ли не впервые.

— Ваш двойной эспрессо, — гордо произнес запыхавшийся официант.

— И на том спасибо, — кивнула я, обдавая его холодом. Сейчас мне так хотелось хоть кого-то порвать на куски. Мне было слишком не по себе, так что... прости, мальчик, ты просто попал не в то время не в то место. Где ж ЕГО все-таки черти носят!

— Что-нибудь еще?

— Принесите пепельницу. У вас тут ведь вроде можно курить?

— Да, можно. Странно, что пепельницы нет на столике, — огорчился мальчишка. Было видно, что он сильно старается, чтобы переменить мой гнев на мою милость. И, думается мне, тут дело не только в чаевых. Какие чаевые могут быть за чашку кофе? Есть я не собиралась, было уже около восьми вечера. Не то чтобы я соблюдаю диету, но иногда, время от времени, мне хочется начать наконец заботиться о себе. Как сегодня, к примеру.

— Пепельницы не летают, — усмехнулась я. — Если их нет, значит, их не поставили.

— Это вообще-то не мой столик, — разобиделся он. — Я только подменяю напарницу.

— Послушайте... — устало начала было я, но махнула рукой. — Просто принесите пепельницу и пачку Vogue. И все будет просто отлично.

— Да, конечно, — он поспешно отпрыгнул куда-то в сторону на своих длинных ногах и через мгновение вернулся, положив передо мной и пепельницу, и сигареты. Да, сразу видно, молодой еще. В моем возрасте уже не станешь вот так стараться из-за каких-то чайных.

— Прекрасно, просто прекрасно, — улыбнулась я, на этот раз тепло. — Хотите, напишу о вас отзыв?

— Отзыв? — нахмурился он. Видно, хорошего от меня он уже не ждал.

— Ну да, отзыв, — невозмутимо пожала плечами я. — О том, как прекрасно вы подменяете свою напарницу. Чтоб вам благодарность объявили. И премию дали.

— Нет, не стоит, — отказался он, так и не решив, издаюсь я над ним или уже наоборот. Но в этот момент я увидела в дверях ЕГО, так что мальчишка-официант в одну секунду просто перестал для меня существовать.

Он стоял еще довольно далеко от меня, у самого входа в кафе, и щурился, словно вошел в темень из яркого света. Был он довольно растерян, но так он выглядел всегда — как ребенок, потерявшийся в супермаркете и не понимающий, куда ему двигаться дальше. Он ждал, чтобы к нему кто-то подошел, направил его, задал вектор его движению. С моего места не было видно, трезв он или напротив. Издалека этого никогда нельзя было разобрать. Для того чтобы понять его кондицию, требовалось подпустить его к себе чуть

ближе. Но независимо от того, трезв или нет мой муж, я вдруг почувствовала сильнейший прилив крови к щекам. Я неритмично, но глубоко вздохнула и вцепилась в салфетку. Страстно захотелось посмотретьсь в зеркало на предмет степени румяности моих щек. Ощущение было такое, что они просто пунцовые, словно их натерли свеклой. А мне сейчас совсем не хотелось выглядеть плохо. Когда угодно, но сейчас мне надо быть самой собой: Маргаритой-красоткой, Маргаритой-вамп, Маргаритой-повелительницей и все такое. Пунцовые щеки в мои планы не входили, и я уже было решилась поднести к лицу зеркальце из косметички, но увидела, что он уже идет ко мне, естественно, в сопровождении распорядителя зала. И... да, он был трезв. Хоть в этом повезло, но это-то и странно. Признайся, как часто ты, моя дорогуша, видела его трезвым в такое время да еще по такому поводу?

— Маргарита? Ты здесь? — Он задал свой традиционно-нелепый вопрос, глядя прямо на меня. Я явно была здесь, я была не выдумкой, не галлюцинацией, но ему требовалось дополнительное подтверждение.

— Да, я здесь, — я усмехнулась и почувствовала, что обретаю хоть какую-то почву под ногами. Из-за чего я дергалась весь день? Передо мной всего лишь он, мой муж Кешка, тот самый, которого я знаю как облупленного, которого изучила за почти десять лет так, что могу листать и с закрытыми глазами цитировать его с любой страницы, строчки или абзаца. Мой Кешка, он,

как наступление холодов, неизбежен и предсказуем. Я относилась к нему тепло, как к осени, у которой, как ни крути, все же случаются хорошие деньки. Он был родным и теплым, правда, я никогда не любила его так, как он любил меня. И он, между прочим, отлично это знал. Но в отношениях один всегда любит, а другой только позволяет себя любить.

— Ты уже что-нибудь заказала? — Он присел на краешек стула напротив меня и стал листать меню, заметно дергаясь. С чего бы? Боится, что я выкину какой-нибудь фортель? Встану и уйду? Скажу, что он все не так понял и я не собираюсь к нему возвращаться? А что, я могу. Я и не такое могу, но не сегодня, не сегодня.

— Только кофе.

— Ты опять не ешь после шести? — улыбнулся он, но взгляд так и остался в меню. — Тебе не кажется, что тогда стоило бы заказать не кофе, а зеленый чай.

— Я не собираюсь сегодня рано ложиться спать, — пробормотала я как бы себе под нос. — Думаю, ты не за этим меня сюда позвал, чтобы ругать за кофе на ночь?

— Не за этим, — кивнул он и посмотрел на меня.

— Ты, кстати, опоздал.

— Правда?

— Да. Ты не заметил?

— Прости, — сконфузился он и потянулся за моими сигаретами. — Можно?

— Почему бы и нет? Только ты такие ведь не куришь.

— Я забыл купить сигарет. Я оставил свои у... ну... оставил, понимаешь? — Он сделал бессмысленный жест рукой и скис.

— Закажи тут, они продают сигареты, — пожалала плечами я. — Слушай, о чем мы говорим? О какой-то ерунде. Давай-ка начни заново и скажи что-нибудь другое.

— Что? — заерзал он. Все-таки с ним было что-то не так. И не только потому, что он был совсем, совсем трезвым.

— Что-нибудь важное. Например, что ты рад меня видеть, — предложила я с легкой улыбкой.

— Я... — помолчал он, отводя глаза. Потом с усилием кивнул и посмотрел прямо на меня. — А ты? Ты рада меня видеть?

— Ну... да, — закашлялась я.

— Правда? — удивился он.

— Что странного в том, чтобы обрадоваться встрече с мужем?

— А как же... твоя большая любовь? Она что же, прошла? — спросил он. Спросил без агрессии, осторожно, как сапер, счищающий щеточкой песок с застарелой, но все еще опасной гранаты. Да уж, моя большая любовь. Вернее, большой скандал, с которого все началось в этот раз. Я так устала от бури, швырявшей меня по океану страстей все лето. Меня основательно побило о камни, я явно нуждалась в ремонте. Кешка на роль тихой гавани подходил идеально. Как всегда.

— Давай не будем об этом вспоминать, — попросила я, хватаясь за чашку с кофе. Кофе, кстати, был не плох, только уже остыл.

— Давай, — согласился он, и мы дружно замолчали. Если не говорить об этом, было сложно придумать, о чем тогда вообще говорить. О погоде? Погода была — дерьмо. Нет, другого слова и не подберешь, хоть и август на дворе, но все бродят в куртках, под зонтами, с которых все время течет, словно у всех зонтов ужасный насморк. И лица — злые и не летние, а скорее глубоко осенние. И в бабье лето уже нет сил верить, но не об этом же в самом деле говорить с мужем, которого не видела почти четыре месяца.

— Как ты добрался? Пробок не было? — любезно подбросила тему я.

— Ты знаешь, нет. Пустые дороги, прямо не верится. Таксист даже расстроился, что мы ехали по счетчику. А я ему предлагал сговориться на твердой сумме.

— Когда ты уже получишь права? — поддела его я.

— Наверное, не в этой жизни, — развел он руками. Сколько уж над ним потешались все наши друзья, сколько ни пытались его хоть как-то переубедить — он не сдавался. Стоял, как Китайская стена. Монолит. Общественный транспорт навсегда — и точка. Он спокойно переносил все тяготы подземки и автобусов. Он даже, кажется, любил таксистов. Так было проще. Проще не опаздывать, проще, если ты где-то выпил. Последнее, кстати, я думаю, было самым важным. Если водка ме-

шает работе, брось ее на фиг, работу свою. В его случае вождение автомашины существенно вредило пьянству. И проще было не водить вообще.

— Может быть, ты возьмешь что-нибудь себе? Ты уже ел что-нибудь? — Я старалась говорить непринужденно, словно не было последних четырех месяцев и моей Большой Любви.

— Я не голоден. Меня покормили, — отказался он, говоря о себе как о каком-то щенке. Его ПОКОРМИЛИ. Кто, интересно? Буфетчица? Секретарша из его офиса? Обычно это делала я, кормила его, встречала пьяного в первом часу ночи, укладывала спать. Жить с ним было и вправду похоже на то, как если бы я завела собаку. Я бы также молчала рядом с ним часами, неделями, годами. Наполняла бы его миску, ругала бы, когда он виноват. Запирала бы одного в квартире, когда мне надо было отлучиться.

— Тогда, может, десерт? — произнесла я просто так, чтобы заполнить паузу. И незаметно посмотрела на него. Он немного изменился за четыре месяца. Не сильно, не до неузнаваемости. Одет чуть лучше, чем обычно, рубашка, а не одна из его вечных бесформенных водолазок. Кажется, новые джинсы. Отлично сидят. Нравится он мне? Пожалуй, да. Лучше, чем могло бы быть. В конце концов, он пришел трезвый, это уже добрый знак.

— Ты что, забыла? Я не люблю сладкого, — удивился он. Я пожала плечами. Да, забыла. Ведь у меня была Большая Любовь, и я забыла все. Я ведь думала, что ин-